МОИ СНОШЕНІЯ СЪ РОСТОПЧИНЫМЪ.

Записка графа Н. П. Панина[1]).

Начато въ Дугинѣ въ первыхъ числахъ Февраля и кончено по возвращеніи моемъ въ Москву 6 Марта 1814 г.

Это темное имя не было мнѣ еще извѣстно, и я не зналъ, что на немъ было наложено пятно позора въ царствованіе Петра Великаго[2]), когда тотъ, кто прославилъ его своими интригами, появился при дворѣ Екатерины въ званіи камергера. Извѣстно, какъ эта великая государыня прогнала его со службы вслѣдствіе поединка, который онъ вызвалъ своей наглостью и который онъ по своей низости не принялъ[3]).

Ростопчинъ провелъ нѣкоторое время въ ссылкѣ. Мнѣ неизвѣстно, вслѣдствіе чьего покровительства онъ потомъ появился въ столицѣ, но моя первая встрѣча съ нимъ произошла въ домѣ Загряжской. Онъ и я часто посѣщали ее. Эта почтенная особа находила удовольствіе въ его шутовствахъ. Она была къ нему расположена; я былъ этому свидѣтелемъ почти ежедневно и, будучи очень молодъ и неопытенъ, я долженъ былъ повѣрить, что Ростопчина оклеветали въ дѣлѣ, которое навлекло на него немилость государыни. Эта моя ошибка, вполнѣ естественная, заставила меня выслушать его просьбу, когда онъ прибѣгнулъ

---

1) Переведено съ Французскаго, изъ 7-й части. „Матеріаловъ для жизнеописанія графа Н. П. Панина“. Для поясненія этой записки отсылаемъ читателей къ 12-му выпуску „Русскаго Архива“ 1876 года. П. Б.

2) Указъ 1707 г. о ссылкѣ Ростопчина за лжесвидѣтельство въ Монастырскій Приказъ для содержанія въ монастырѣ въ работѣ въ кандалахъ. См. Полн. Собр. Зак. № 2179.

3) Объ этомъ эпизодѣ см. нѣкоторыя свѣдѣнія въ „Архивѣ Князя Воронцова“ XII, 167. П. Б.

къ моему посредничеству у графини Протасовой, чтобы получить руку ея племянницы. Анна Степановна благоволила обратить вниманіе на это желаніе, не смотря на отвращеніе, которое она питала къ этой свадьбѣ. Итакъ, первыя мои сношенія съ этимъ человѣкомъ должны были заслужить мнѣ его благодарность.

Моя служба въ Литвѣ, удаливъ меня отъ двора, положила конецъ нашимъ сношеніямъ, а когда я снова появился, то Ростопчинъ, смѣшавшись въ Гатчинѣ съ толпою, которою окружалъ себя наслѣдникъ престола трона, наряженный въ Прусскую форму, ставъ любимцемъ, шутомъ и капраломъ великаго князя, не могъ уже сойтись со слугою государыни, ненавидимой ея наслѣдникомъ.

Такое положеніе вещей не долго продолжалось. Роковой день 6 Ноября 1796 года повергнулъ въ печаль и ужасъ всѣхъ благомыслящихъ людей и вдругъ выдвинулъ шайку проходимцевъ, извѣстныхъ подъ кличкою *Гатчинцевъ*. Ни для кого не составляетъ тайны, что именно это было причиною счастія для того, кто быстро прошелъ первыя ступени службы, чтобы потомъ добровольно взять на себя ремесло палача.

Вскорѣ по восшествіи на престолъ новаго государя я перемѣнилъ службу и, будучи употребляемъ по дипломатіи, имѣлъ счастіе впродолженіе нѣкотораго времени не быть ни въ какихъ сношеніяхъ съ Ростопчинымъ, который нагло принялъ портфель военнаго министра.

Меня посылаютъ въ Берлинъ, и во время моей миссіи въ Пруссіи онъ обмѣниваетъ этотъ портфель на портфель иностранныхъ дѣлъ. Переписка моя съ нимъ въ это время была незначительна, такъ какъ большинство моихъ депешъ было направляемо къ государю. Однако въ одномъ изъ писемъ, которыя я сохранилъ, упоминается о моихъ, какъ онъ выражается, *талантахъ*, и я сохраняю это письмо изъ за противоположности мнѣнія, выраженнаго въ немъ, съ мнѣніемъ, которое ему приписываетъ статья, напечатанная Французскимъ правительствомъ въ № 185 „Journal des bouches de l'Elbe“ 1812 года.

Ростопчинъ занималъ первое мѣсто въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, когда освободилось мѣсто вице-канцлера по уходѣ въ отставку графа Кочубея. Я никогда не могъ объяснить себѣ, что̀ заставило покойнаго государя предоставить мнѣ это мѣсто; но такъ какъ Ростопчинъ пользовался въ то время большимъ довѣріемъ, то весьма правдоподобно, что онъ не воспротивился этому, и рескриптъ, призывающій меня въ Коллегію, написанъ его рукою (онъ находится между моими бумагами). Государь въ своихъ письмахъ удостоивалъ меня свидѣ-

тельствами уваженія и довѣрія, но не любилъ меня, и мой характеръ ему не подходилъ. Это знаютъ всѣ. Государыня дарила меня своимъ расположеніемъ, но расположеніемъ безплоднымъ, и въ это время она не имѣла никакого вліянія на выборъ дѣятелей. Мой единственный покровитель, князь Безбородко, умеръ, и единственный родственникъ, который могъ интересоваться мною, ф.-маршалъ кн. Репнинъ, былъ въ полной опалѣ. Итакъ я долженъ думать, что государь призвалъ меня въ Коллегію по своему собственному почину, а Ростопчинъ, судя обо мнѣ по себѣ, вообразилъ, что я окончательно отрекусь отъ всѣхъ моихъ убѣжденій, чтобы возстановиться въ милости государя. Какъ бы ни было, я предоставляю людямъ, болѣе прозорливымъ, чѣмъ я, примирить его согласіе на мое назначеніе съ мнѣніемъ, въ которомъ онъ сравниваетъ меня съ *глупымъ Французскимъ эмигрантомъ*.

Образъ дѣйствій его во время управленія иностранными дѣлами извѣстенъ всѣмъ Европейскимъ кабинетамъ. Существуютъ достойные свидѣтели того, какъ я справлялся съ трудной задачею быть вторымъ. Будь это Русскій, будь иностранецъ, я обращаюсь теперь къ ихъ свидѣтельству. Тѣ, которые были руководителями главныхъ Европейскихъ кабинетовъ, еще живы. Представители этихъ кабинетовъ при нашемъ дворѣ знаютъ мои убѣжденія, мои работы и мои невзгоды. Пусть они скажутъ, заслужилъ ли я или нѣтъ уваженія и довѣрія ихъ государей! Одинъ изъ свидѣтелей, которыхъ я вызываю, оказался потомъ моимъ врагомъ. Это графъ Семенъ Воронцовъ. Я не отвергаю его свидѣтельство и взываю къ его совѣсти. Пусть прочтутъ мои бумаги; тамъ найдутъ не одно почетное свидѣтельство и, можетъ быть, поймутъ ненависть, которою подарилъ меня Ростопчинъ, хотя я не сдѣлалъ ему ни малѣйшаго зла.

Такъ какъ главная цѣль этой записки выяснить мои сношенія съ нимъ, то слѣдуетъ познакомиться съ перепискою, изъ которой увидятъ, съ какою низкою легкостью онъ отпирается отъ своихъ словъ и приноситъ публичное покаяніе, какъ только потребуютъ отъ него объясненія его необоснованныхъ увѣреній.

Въ концѣ 1800 года онъ, наконецъ, убѣдился, какъ неудобно имѣть неподкупнаго свидѣтеля въ лицѣ вице-канцлера. Извѣстно, что я отказался подписать оффиціальную ноту его изобрѣтенія, которою продолжалась лживость отношеній и которая вредила чести государя. Перлюстрація дала ему возможность узнать мнѣніе дипломатическаго корпуса касательно нашихъ взаимныхъ отношеній въ этомъ обстоятельствѣ, которое безъ всякой причины ссорило насъ съ давнишнимъ союзникомъ. Причина, болѣе чѣмъ достаточная, чтобы удалить меня. Но была

и другая, болѣе значительная для этой подлой души. Надо было въ концѣ года представить отчетъ въ расходахъ по Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, и этотъ отчетъ долженъ былъ подать поводъ къ спекуляціи, къ которой нельзя было присоединить моего имени. Царскій указъ назначаетъ меня 15 Ноября въ Сенатъ, а къ Новому Году государю представляютъ отчетъ доходовъ и расходовъ по Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, въ которомъ выставлена крупная сумма сбереженій, и эту сумму тотчасъ же отдаютъ Ростопчину какъ благодарность; но отчетъ неправиленъ: всѣ экстраординарные расходы нашихъ заграничныхъ министровъ исключены и перенесены за счетъ будущаго года.

Этотъ случай, свидѣтелемъ котораго я не могъ быть, такъ какъ былъ въ ссылкѣ, разсказанъ мнѣ служащими въ Коллегіи, когда я въ слѣдующемъ году снова вступилъ въ Коллегію.

Я никогда не могъ провѣрить, была ли ссылка, которая скоро послѣдовала за перемѣной моей дѣятельности, дѣломъ его рукъ, но тѣ преслѣдованія, которымъ я во время ея подвергался, могутъ быть приписаны только его коварнымъ поступкамъ, въ чемъ можно убѣдиться изъ послѣдующаго.

Вся эта низкая интрига извѣстна тѣмъ, кто имѣлъ въ рукахъ произведенія Коцебу. Объ ней очень подробно говорится въ мемуарахъ подъ заглавіемъ: „Памятный годъ моей жизни“. Итакъ я могу не грязнить моего пера передачею этого дѣла, о которомъ нельзя говорить, не загрязнивъ памяти покойнаго государя, и я ограничусь упоминаніемъ одного только письма, которое возбудило гнѣвъ этого несчастнаго монарха, такъ какъ его приписали мнѣ.

Это письмо, здѣсь прилагаемое въ подлинникѣ, было написано Приклонскимъ къ Муравьеву и давно передано мнѣ. Было ли оно перлюстровано въ Москвѣ или въ Петербургѣ, я никогда не могъ узнать, да это и не важно. Чтобы судить о Ростопчинѣ, который представилъ это письмо подъ видомъ моего, достаточно разрѣшить слѣдующіе вопросы:

Похожъ ли былъ почеркъ на мой? Могъ ли Ростопчинъ не знать моего почерка, послѣ того какъ читалъ сотни моихъ донесеній въ мою бытность въ Пруссіи, потомъ, когда я занималъ постъ вице-канцлера и писалъ ему ежедневно по одной, по двѣ записки на день?

Могъ ли Татищевъ, Московскій почтдиректоръ, смѣшать мой почеркъ съ каракулями Приклонскаго, когда раньше служилъ подъ моимъ начальствомъ въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и подавалъ мнѣ аккуратно два раза въ недѣлю свои работы, которыя я всегда исправлялъ своей рукой?

Не доказывало ли само содержаніе письма и число, что я, въ своей ссылкѣ, не могъ быть авторомъ?

Такому ожесточенію Ростопчина противъ меня я противоставлялъ молчаніе, полное глубочайшаго презрѣнія. Новое царствованіе и довѣріе государя даютъ мнѣ возможность отомстить за низость; я этого не дѣлаю. Какое соображеніе заставляетъ меня такъ поступать? Я предоставляю его собственной совѣсти, и въ награду за такое обыкновенное снисхожденіе появляется пасквиль, напечатанный въ „Journal de l'Empire" и перепечатанный въ „Journal des bouches de l'Elbe" подъ названіемъ „Черновикъ одного письма къ графу Семену Воронцову отъ 30 Іюня 1801 года": явная цѣль этого письма разрушить довѣріе, связывавшее двухъ вѣрныхъ слугъ государства!

Но прежде, чѣмъ остановиться на этомъ низкомъ пасквилѣ, надо развернуть послѣдствія событій.

Со времени моего послѣдняго министерства и до возвращенія изъ-за границы, Ростопчинъ, глубоко тая свою ненависть, не могъ имѣть со мной никакихъ сношеній. Онъ появляется въ Москвѣ, жена встрѣчаетъ его въ одномъ домѣ, и онъ дѣлаетъ видъ, что незнакомъ съ нею. Приклонскій отдаетъ ему почести, какъ бывшему начальнику; онъ бѣжитъ его какъ чумы, вспоминая, вѣроятно, что мужественный поступокъ Приклонскаго открылъ государю Павлу тайну письма. Служитъ ли это поведеніе доказательствомъ чистой совѣсти или запятнанной?

Проходитъ нѣсколько лѣтъ, не внося никакихъ измѣненій въ условія, которыя держали насъ въ отдаленіи другъ отъ друга, и нужны были несчастія 1812 года, чтобы заставить меня помимо моей воли измѣнить рѣшеніе никогда не видаться съ Ростопчинымъ. Смоленская губернія была занята непріятелемъ, армія отступала, всѣ умы находились въ смятеніи, а Ростопчинъ правилъ Москвою. Въ это время друзья старались убѣдить меня, что общество ждетъ отъ меня яркаго свидѣтельства преданности родинѣ, состоявшаго въ шагѣ, который доказалъ бы мое отреченіе отъ личной непріязни и желаніе способствовать всѣмъ мѣрамъ, принятымъ для общественнаго блага, не считаясь съ начальникомъ, которому онѣ поручены. Этотъ шагъ, который, какъ говорили, требовало отъ меня общество, состоялъ въ томъ, чтобы я сдѣлалъ визитъ Московскому генералъ-губернатору. Мнѣ это чрезвычайно претило, и я уступилъ только настойчивымъ просьбамъ тестя. Мы поѣхали вмѣстѣ; посѣщеніе прошло въ незначительныхъ разговорахъ, въ общихъ мѣстахъ и не заслуживало бы упоминанія, если бы не являлась вѣроятность, что неожиданный поступокъ подобнаго свой-

ства съ моей стороны могъ ввести Ростопчина въ заблужденіе относительно моихъ къ нему чувствъ.

Спустя нѣкоторое время, послѣ моего возвращенія изъ арміи, куда я отвезъ своего сына, я принужденъ былъ еще разъ посѣтить этого человѣка, и это было въ послѣдній разъ. Я долженъ былъ сообщить ему необходимыя указанія Бенигсена и просить артеллерійскихъ орудій. Я былъ принятъ, какъ и первый разъ, вѣжливо, но съ меньшей осторожностью.

Непріятель бѣжалъ, и отечество было очищено отъ ихъ присутствія; я вернулся въ свои помѣстья и жилъ въ полномъ уединеніи, когда въ Мартѣ мѣсяцѣ 1813 года получилъ отъ своихъ Петербургскихъ друзей неопредѣленное извѣщеніе о какомъ-то письмѣ, напечатанномъ въ общественныхъ листкахъ. Выраженія моего корреспондента были неясны и вмѣстѣ съ тѣмъ такого свойства, что живо заинтересовали меня. Я обращаюсь къ сестрѣ, чтобы получить объясненіе; она ловко обходитъ вопросъ; я настаиваю просто изъ любопытства, такъ какъ былъ далекъ отъ мысли, что моя честь замѣшана въ открытіи этой тайны; я упрекаю сестру въ небрежности, съ которой она отнеслась къ моему порученію, а она въ отвѣтъ требуетъ, чтобы я ей болѣе ничего объ этомъ не говорилъ. Вслѣдствіе безграничнаго довѣрія къ ней, я исполняю ее желаніе и молчу. Вскорѣ и самое письмо моего Петербургскаго корреспондента изглаживается изъ моей памяти.

Въ Апрѣлѣ я проѣзжалъ черезъ Москву, чтобы ѣхать къ своей семьѣ и только тогда получилъ отъ графа Моркова нѣкоторыя указанія на пасквиль, приписанный Ростопчину общественными листками, состоявшими на откупу у Французскаго правительства. Было ли то забывчивостью или осторожностью, но графъ Аркадій Ивановичъ довелъ до моего свѣдѣнія только выраженія наименѣе оскорбительныя этого гнуснаго пасквиля и вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ мнѣ № 5-й „Русскаго Вѣстника", стараясь заставить меня считать эту статью формальнымъ и достаточнымъ опроверженіемъ письма, напечатаннаго подъ именемъ Ростопчина. Явная цѣль сообщеній и совѣтовъ Моркова было желаніе убѣдить меня противопоставить отвратительному писанію мое глубокое презрѣніе. Мы разстались, не прійдя къ согласію, какъ смотрѣть на это. Одинъ изъ чиновниковъ Ростопчина, котораго мнѣ хотѣлось попытать, испугался, когда я заговорилъ о „Journal des bouches de l'Elbe" и сдѣлалъ видъ, что не слышитъ меня.

Въ то время я могъ остановиться только на одномъ рѣшеніи— хранить молчаніе, стараться, чтобы ничто не встревожило мою семью

и ждать, чтобы статья попала ко мнѣ въ руки для дальнѣйшихъ поступковъ.

Вскорѣ случай далъ мнѣ возможность ознакомиться во всѣхъ подробностяхъ съ гнуснымъ заговоромъ, измышленнымъ низостью моего врага. Привлеченный въ Петербургъ любовью къ сестрѣ, которая заболѣла какъ разъ въ то время, какъ хотѣла пріѣхать ко мнѣ, я, наконецъ, нашелъ газету, напечатавшую письмо Ростопчина къ графу Семену Воронцову. Въ тоже время я узналъ о томъ злѣ, которое причинилъ этотъ пасквиль моей бѣдной сестрѣ и которое подлый авторъ не сможетъ искупить всей своей кровью; съ большимъ сожалѣніемъ узналъ, что прибѣгли къ женскому посредничеству, чтобы избавить Ростопчина отъ заслуженнаго возмездія; узналъ о безумной надеждѣ, которую онъ возлагаетъ на письмо къ Глинкѣ, и у меня не осталось больше сомнѣнія, что его наглость равняется его низости. Однако чрезвычайное волненіе сестры, когда я досталъ газету, намѣтило мнѣ способъ дѣйствія для сохраненія спокойствія дорогой для меня личности: оно заставило меня подавить все возмущеніе и отложить требованіе должнаго удовлетворенія до того времени, пока обстоятельства позволятъ смягчить слѣдствія моего рѣшительнаго шага.

Рѣшившись, не смотря на возраженія нѣкоторыхъ друзей, потребовать отъ Ростопчина опроверженія или отрицанія въ ясныхъ выраженіяхъ и прибѣгнуть въ случаѣ отказа къ оружію, я не могъ еще опредѣлить время; а разговоръ, который я имѣлъ съ однимъ очень уважаемымъ лицомъ наканунѣ моего отъѣзда изъ Петербурга, заставилъ меня отложить исполненіе рѣшенія на неопредѣленный срокъ. Онъ замѣтилъ мнѣ, что газета, заключавшая въ себѣ пасквиль, запрещена въ Россіи и такъ какъ ее прочло небольшое количество лицъ, то можно предположить, что она мнѣ еще не попадалась. Я съ радостью ухватился за способъ, дававшій мнѣ возможность согласить желаніе покоя сестрѣ съ желаніемъ возстановить мою честь.

Итакъ я перевезъ ее въ деревню и жилъ спокойно съ семьей. Въ Іюлѣ я долженъ былъ устроить нѣкоторыя дѣла въ Дугинѣ и рѣшилъ воспользоваться случаемъ, чтобы покончить съ Ростопчинымъ. Изъ Петербурга приходитъ извѣстіе, что его мѣсто замѣщается другимъ; я хочу дождаться такого благопріятнаго событія для своихъ цѣлей и теряю случай, который представляло мнѣ мое пребываніе въ помѣстьяхъ и отсутствіе семьи.

По отъѣздѣ сестры въ Петербургъ, свободный отъ заботъ, наложенныхъ на меня нѣжностью къ ней, я сталъ заниматься предварительными распоряженіями, которыхъ не можетъ избѣгнуть глава семьи,

когда онъ принялъ рѣшеніе, отъ котораго зависитъ его жизнь. Необходимость считаться съ дружескими отношеніями замедляла не разъ мою работу. Теперь она кончена; завѣщаніе написано; приняты всѣ зависящія отъ меня мѣры, чтобы ослабить печальныя послѣдствія для дѣтей и близкихъ, если я буду убитъ. Мнѣ нуженъ былъ предлогъ, чтобы съѣздить въ Москву. Судьба его предоставляетъ, и я воспользуюсь имъ, не для того, чтобы драться, а чтобы заставить Ростопчина опровергнуть письмо и получить согласіе двухъ друзей быть секундантами въ случаѣ отказа. Самое подходящее мѣсто для встрѣчи я считаю границу Московской губерніи въ Тверской губерніи, близъ помѣстья Рукина, гдѣ я, въ случаѣ надобности, буду имѣть помощь.

Надо ли говорить о побужденіяхъ, заставившихъ принять рѣшеніе? Надо ли говорить о соображеніяхъ, которыя я противопоставляю моимъ друзьямъ, совѣтовавшимъ мнѣ оставаться бездѣятельнымъ и пассивнымъ? Сказать ли имъ, что ихъ предположеніе, будто я могу отказаться отъ возстановленія чести съ оружіемъ въ рукахъ, заставляетъ меня это сдѣлать? Обопрусь ли я на примѣръ Питта, который считался съ такимъ же презираемымъ человѣкомъ, какъ Ростопчинъ? И наконецъ, изложу ли я на этихъ листкахъ всѣ „за" и „противъ", которые волновали меня въ моемъ одиночествѣ? Я было хотѣлъ это сдѣлать, но стоитъ ли? Побѣдивъ, я буду молить о своемъ грѣхѣ Бога, и только Онъ можетъ разрѣшить мнѣ его; друзья ничего отъ меня не потребуютъ. Если я паду, то моя апологія не убавитъ сожалѣній, которымъ они почтятъ мою память, если я того достоинъ.

Продолженіе *).

Прибывъ въ Москву, я только на третій день могъ имѣть совѣщаніе съ однимъ изъ друзей по поводу главной цѣли моего пріѣзда и, вычеркнувъ, по его совѣту, послѣдній параграфъ письма, приготовленнаго Ростопчину, я отослалъ его къ нему въ тотъ же день 20 Февраля въ конвертѣ Булгакова, таковымъ, какъ оно находится въ собраніи оправдательныхъ документовъ. Отсылка этого письма имѣла свидѣтелемъ князя Барятинскаго. Сопроводительное письмо къ Булгакову выражало только желаніе быть увѣреннымъ, что содержимое передано въ собственныя руки. Побудительная причина его была предохранить меня противъ случая, если бы Ростопчинъ нашелъ возможнымъ нагло сохранить молчаніе.

---

*) Очевидно до этого мѣста записка была составлена графомъ до отправленія въ Москву; продолженіе писано послѣ возвращенія въ Дугино изъ Москвы, въ началѣ Марта 1814 года.

21-го вечеромъ и довольно поздно Булгаковъ принесъ въ домъ княгини Лобановой письмо Ростопчина, помѣченное этимъ же днемъ; а такъ какъ меня еще не было, то передалъ его княгинѣ, которую я уполномочилъ принять его.

Этотъ уклончивый и расплывчатый отвѣтъ не могъ удовлетворить меня и, читая его, я жалѣлъ, что вычеркнулъ послѣдній параграфъ моего письма. Онъ гласилъ такъ:

„Хочу надѣяться, что вашъ отвѣтъ будетъ достаточно опредѣленъ и удовлетворителенъ, дастъ мнѣ возможность не прибѣгать къ другимъ мѣрамъ и ограничиться глубокимъ презрѣніемъ, которое авторъ грязнаго пасквиля долженъ возбуждать въ каждомъ порядочномъ человѣкѣ".

Къ великому моему изумленію, пріятель мой нашелъ этотъ лукавый отвѣтъ достаточнымъ и сильно настаивалъ, чтобы я имъ удовлетворился. Мнѣ было невозможно уступить этому мнѣнію и, принявъ рѣшеніе отвѣчать, я съ большими усиліями написалъ письмо въ умѣренномъ тонѣ съ единственною цѣлью избѣгнуть упрековъ своей семьи въ томъ, что я вызывалъ Ростопчина на крайнія мѣры. Этотъ отвѣтъ 22 Февраля въ конвертѣ на имя Булгакова былъ доставленъ къ нему на домъ въ 8 часовъ вечера. Я самъ его понесъ. Онъ былъ дома, но не принялъ меня, такъ какъ былъ не одѣтъ.

Прошелъ весь день 23, и я ничего не слыхалъ ни о Ростопчинѣ, ни о Булгаковѣ. На слѣдующее утро меня взяло зло; въ половинѣ девятаго я послалъ къ послѣднему сему Степанова съ просьбою зайти ко мнѣ и приготовился послать Ростопчину слѣдующія нѣсколько словъ: „*Формальное опроверженіе или полное удовлетвореніе*", какъ въ 11 часовъ явился ко мнѣ князь Андрей Оболенскій. Онъ былъ обо всемъ освѣдомленъ. Я не скрылъ, что мѣра моей сдержанности переполнилась; я даже признался ему, что въ этомъ отношеніи не доволенъ собою. Мы толковали о дѣлѣ, когда доложили о Булгаковѣ. Онъ входитъ и ограничивается любезностями. Нѣкоторое время мы говоримъ о происшествіяхъ дня; наконецъ я говорю ему громко: „Я былъ третьяго дня у васъ и жалѣю, что не засталъ васъ по двумъ причинамъ; первое: я хотѣлъ васъ видѣть, а второе, я долженъ былъ передать вамъ важное письмо, которое я не рѣшался довѣрить вашему слугѣ. Получили ли вы его?"—„Да, графъ".—„Сдѣлали ли вы изъ него должное употребленіе?"—„Какъ могъ бы я не сдѣлать этого? (опуская руку въ карманъ). Вотъ отвѣтъ, который мнѣ поручили передать вашему сіятельству." Это было послѣднее письмо Ростопчина отъ

23 Февраля, помѣченное, какъ я подозрѣваю, заднимъ числомъ. Я беру его, и, положивъ нераспечатаннымъ на столъ, разговариваю нѣкоторое время о незначительныхъ вещахъ. Минутъ черезъ пятнадцать князь поднимается и хочетъ прощаться. Я прошу его снова сѣсть и, взявъ письмо Ростопчина, читаю его про себя. Едва я его пробѣжалъ, какъ обратился къ Булгакову и поручилъ ему передать Ростопчину словесный отвѣтъ, который находится въ моихъ бумагахъ по этому дѣлу.

Колебаніямъ нѣтъ больше мѣста. Опроверженіе формальное, но вмѣстѣ съ тѣмъ настолько неискусное, въ сравненіи съ двумя письмами, что авторъ, вмѣсто того, чтобы сложить на Французское правительство всю гнусность, оставляетъ ее всю на себѣ и добровольно подвергаетъ себя презрѣнію общества [1]). Пусть будетъ такъ.

Пока исходъ дѣла былъ еще не ясенъ, я долженъ былъ позаботиться о секундантѣ. Первый, которому я обратился, отклонилъ предложеніе подъ благовиднымъ предлогомъ. Второй, которому я только намекнулъ, казалось, былъ готовъ оказать мнѣ эту услугу.

Панинъ [2]).

Статья эта написана на основаніи семи томовъ книги: „Матеріалы для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина". Спб. 1887—1892. Книгу эту издала покойная княгиня Марія Александровна Мещерская, внука графа Панина. Она достоподражательно благоговѣла къ его памяти, и по ея заказу ваятель Антокольскій изготовилъ большое мраморное его изображеніе (въ креслахъ), поставленное въ его кабинетѣ, въ селѣ Дугинѣ. П. Б.

---

[1]) Графъ Ростопчинъ принужденъ былъ отказаться отъ оскорбительныхъ для графа Панина выраженій въ письмѣ къ графу Воронцову и приписалъ ихъ Французамъ; поэтому вызывать его на поединокъ уже не приходилось. П. Б.

[2]) Можетъ быть, графу Панину было неизвѣстно, что противникъ его не бралъ ружья въ руки. Самъ онъ былъ отличнымъ стрѣлкомъ. Въ Мартѣ 1813 года имя графа Ростопчина гремѣло во всей Европѣ, и въ Лондонѣ названа его именемъ одна улица. Вызовъ генералъ-губернатора, облеченнаго тогда властью на нѣсколько губерній, удовлетворялъ тщеславію вызывателя. Изъ двухъ враждебныхъ другъ другу дѣятелей Павловскаго царствованія, одинъ осужденъ былъ на „мученіе покоя", другой прославилъ себя на весь міръ. П. Б.